Изъ книгъ заслуженн. профессора
Имп. Спб. Университета
Василія Александровича
Лебедева.
† 2 Мая 1909 г.
L 54570.

3236

Воспитаніе и обученіе въ нашихъ университетахъ.

Въ мартовской книжкѣ педагогическаго журнала „Русская школа„ началось печатаніе статей К. П. Яновскаго подъ заглавіемъ: „Мысли о воспитаніи и обученіи". Во второй статьѣ, появившейся въ апрѣльской книгѣ, почтенный авторъ останавливается на недостаткахъ организаціи нашихъ университетовъ и способовъ университетскаго преподаванія. Въ замѣнъ существующаго порядка онъ предлагаетъ полную реформу университетскаго дѣла. Имя автора и многолѣтняя полезная дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ даютъ мыслямъ его совершенно особое значеніе и сугубо превлекаютъ къ нимъ общественное вниманіе. Очень многіе газеты и журналы перепечатали на своихъ страницахъ наиболѣе характерныя мѣста „мыслей" и, насколько мы имѣли случай видѣть, безъ всякихъ оговорокъ. Взгляды автора, значитъ, нашли себѣ сочуствіе. Они проникли и въ иностранную печать. На нихъ ссылается авторъ статьи о русскомъ студентѣ, напечатанной въ Münchner n. Nachrichte n Мысли нерѣдко переходятъ въ дѣло, и въ этомъ сила мысли. Мы не знаемъ, суждено-ли это мыслямъ К. П. Яновскаго. Но если онѣ и не перейдутъ въ дѣло, сторонники ихъ получатъ возможность говорить: „вотъ указанъ способъ улучшенія нашихъ университетовъ, а все напрасно, о полезныхъ реформахъ ни кто и не думаетъ!" Во всякомъ случаѣ, перейдутъ „мысли о воспитаніи и обученіи" въ дѣло или нѣтъ, полезно подвергнуть ихъ внимательному разбору, какъ того требуетъ наше уваженіе къ общественнымъ заслугамъ почтеннаго автора.

Совершенныхъ учрежденій нѣтъ. Въ разныхъ государствахъ университеты имѣютъ разный характеръ. Изъ одной формы они могутъ переходить въ другую. Указаніе на несовершенство университетской организаціи и исканіе лучшаго совершенно законно; но также законна и критика реформаторскихъ плановъ. Къ ломкѣ вѣками установившихся университетскихъ порядковъ надо приступать съ большою осторожностью. Какъ бы новое не оказалось еще хуже стараго.

72393
Перерегист. 1950
Нев. Гос. Ун-т Научная библиотека им. Горького

Авторъ видитъ въ университетахъ не только учебное, но и воспитательное учрежденіе. „Воспитательный надзоръ за студентами, за образомъ ихъ жизни, говоритъ онъ, всецѣло долженъ лежать на обязанности и отвѣтственности личнаго состава университета“. Въ статьѣ 123-й университетскаго устава, подчиняющей студентовъ внѣ зданій университета вѣдѣнію полицейскихъ установленій на общемъ основаніи, онъ усматриваетъ свидѣтельство робости учебной администраціи 60-хъ годовъ; онъ думаетъ, что статья эта „устраняетъ благотворное воспитательное вліяніе на молодежь со стороны профессоровъ“, и настаиваетъ на передачѣ „наблюденія за образомъ жизни студентовъ изъ вѣдѣнія полиціи въ вѣдѣніе учебнаго начальства“.

О воспитательной роли университетовъ рѣчь будетъ впереди. Теперь же остановимся на приговорѣ автора по поводу приведенной статьи Устава. Въ основѣ этого приговора кроется недоразумѣніе и только.

Авторъ говоритъ о наблюденіи „за образомъ жизни студентовъ“ и требуетъ, чтобы это наблюденіе перешло отъ полиціи къ университетскому начальству. Но развѣ статья Устава предоставляетъ полиціи наблюденіе за образомъ жизни студентовъ и лишаетъ университеты возможности слѣдить за этою жизнію? Нисколько. Статья Устава подчиняетъ студентовъ полиціи „на общемъ основаніи“ въ отношеніи соблюденія внѣшняго порядка, не болѣе. Если студентъ совершитъ какой-либо безпорядокъ, то протоколъ по поводу этого безпорядка составляется полиціей и дѣло направляется къ разсмотрѣнію судебныхъ учрежденій въ общемъ порядкѣ. О какомъ-либо спеціальномъ наблюденіи полиціи за образомъ жизни студентовъ тутъ и рѣчи нѣтъ. За образомъ жизни студентовъ полиція наблюдаетъ не болѣе и не менѣе, какъ и за образомъ жизни всѣхъ другихъ подданныхъ имперіи Россійской, и, конечно, права этого лишена быть не можетъ.

Но, можетъ быть, авторъ желаетъ, чтобы дѣла о нарушеніи студентами спокойствія и тишины и всякія къ нимъ претензіи и иски частныхъ лицъ разсматривались не въ общемъ порядкѣ, а университетскимъ начальствомъ? Тогда пришлось бы вооружить университетское начальство правомъ составлять полицейскіе протоколы, вызывать къ своему суду заинтересованныхъ лицъ и свидѣтелей, допрашивать ихъ и выслушивать ихъ показанія, а наконецъ, и постановлять по всѣмъ этимъ дѣламъ рѣшенія. Это было бы возвращеніе къ средневѣковому порядку вещей, о которомъ и средневѣковые университеты могли только мечтать! Въ наше время о такомъ порядкѣ вещей и рѣчи быть не можетъ. Благодаря Судебнымъ Уставамъ императора Александра II, студенты не нуждаются ни въ какой особой судебной охранѣ.

Подчиненіе студентовъ внѣ зданій университета общему порядку нисколько не умаляетъ правъ университетскаго начальства по наблюденію за ихъ поведеніемъ. На основаніи Устава и существующихъ Правилъ подчиненіе студентовъ надзору полиціи не освобождаетъ ихъ отъ повиновенія учебному начальству и внѣ зданій университета. Полиція же обязана увѣдомлять ректора о всѣхъ проступкахъ, совершенныхъ студентами внѣ зданій университета, и Правленію университета предоставлено обсуждать эти проступки и подвергать виновныхъ такимъ послѣдствіямъ, какія оно признаетъ за благо.

Итакъ, статья 123 Устава не нуждается ни въ какихъ измѣненіяхъ.

Почтенный авторъ, настаивая на ея отмѣнѣ и на сосредоточеніи наблюденія за образомъ жизни студентовъ въ вѣдѣніи учебнаго начальства, полагаетъ, что обязанность университетской инспекціи должна заключаться не только въ поддержаніи внѣшняго порядка между студентами, но и „въ огражденіи ихъ отъ напрасныхъ обвиненій и подозрѣній въ совершеніи ими проступковъ вообще и политическихъ въ частности“. Говоря о защитѣ не только отъ обвиненій, но и отъ подозрѣній, авторъ, по всей вѣроятности, имѣетъ въ виду защиту студентовъ чинами инспекціи не только на судѣ, но и на предварительномъ слѣдствіи. Введеніе такой защиты, можетъ быть, и желательно, но, если она нужна, она должна имѣть характеръ общей мѣры, а не спеціальной для однихъ студентовъ. И при чемъ тутъ чины инспекціи? Самый хорошій инспекторъ можетъ быть очень плохимъ защитникомъ. Это спеціальность своего рода и должна быть предоставлена присяжнымъ повѣреннымъ. Рекомендуемая авторомъ защита, съ характеромъ мѣры спеціальной, для однихъ студентовъ и средствами инспекціи опять возвращаетъ насъ въ средніе вѣка. Идеалы почтеннаго автора находятся въ далекомъ прошломъ.

Переходимъ къ вопросу о воспитательной роли университетовъ. Это вопросъ великой важности; онъ нуждается въ ясномъ рѣшеніи. Недоговоренность и двусмысленности могутъ только запутать дѣло и дать ложное направленіе правительственнымъ мѣропріятіямъ.

Вопросы воспитанія — суть вопросы величайшей трудности. Кто не хвалитъ людей воспитанныхъ и не осуждаетъ не воспитанныхъ и кто не знаетъ, что мы не были бы свидѣтелями множества происходящихъ на нашихъ глазахъ дикостей, если бы люди были лучше воспитаны? Кто не знаетъ, на сколько важно хорошее воспитаніе? А гдѣ можно поучиться искусству воспитывать? Удивительное дѣло! Есть множество школъ, въ которыхъ можно научиться разнымъ искусствамъ: и музыкѣ, и пѣнію, и рисованію,

и фехтованію, и верховой ѣздѣ, а школы воспитанія нѣтъ ни одной и не только у насъ, а, кажется, нигдѣ. Что же такое воспитатели, эти нужнѣйшіе всѣмъ намъ люди? Это все самоучки. Почему же нѣтъ школъ воспитанія? Надо думать потому, что искусство воспитанія, сравнительно съ другими искусствами, всего менеѣ пришло къ сознанію своихъ средствъ и способовъ дѣйствія. А едва средства и способы дѣйствія не выяснены, то и учить не чему. Вотъ почему нѣтъ школъ воспитанія: не знаютъ какъ воспитывать.

Авторъ разбираемыхъ нами мыслей точно опредѣляетъ цѣли воспитанія въ высшемъ учебномъ заведеніи. „Оно должно быть направлено, говоритъ онъ къ развитію въ учащихся сознательнаго убѣжденія (проявляющагося въ поступкахъ) своего человѣческаго достоинства и личности другихъ, уваженія къ закону и законной власти, къ развитію въ нихъ постояннаго стремленія къ истинѣ и добру. Въ правилахъ должны быть проведены эти начала“. Авторъ указываетъ даже порядокъ составленія этихъ правилъ. Ректору принадлежитъ иниціатива; онъ составляетъ комитетъ для выработки правилъ; изъ комитета правила переходятъ на разсмотрѣніе совѣта и затѣмъ утверждаются попечителемъ. Прекрасно. Полагаемъ, что составить такія правила будетъ не легко; но допустимъ, что всѣ затрудненія преодолены, правила составлены и попечителемъ утверждены. Возникаетъ вопросъ, какъ же провести ихъ въ жизнь какъ воспитать въ ихъ духѣ молодое поколѣніе, какъ привить ему постоянное стремленіе къ истинѣ и добру и другія хорошія вещи, о которыхъ будетъ сказано въ правилахъ? Авторъ даетъ на это такой отвѣтъ. „Указанія и напоминанія учащимся на необходимость исполнять правила начальство должно выражать въ формѣ совѣтовъ и приказаній. Кто не подчинится, послѣ нѣсколькихъ напоминаній, не долженъ оставаться въ средѣ учащихся учебнаго заведенія“. Итакъ, подчинится правиламъ — хорошо, а нѣтъ—вонъ его. Это-ли воспитаніе? Это не воспитаніе, а сознаніе въ своемъ безсиліи воспитывать юношество. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ приходится исключать учениковъ дурнаго поведенія; и безъ этого обойтись нельзя. Но это значитъ, что у педагоговъ нѣтъ средствъ дать дурному мальчику хорошее направленіе, и они отсѣкаютъ зараженный членъ, чтобы онъ не отравлялъ другихъ. Дозволимъ себѣ нѣсколько фантазій въ темной области вопросовъ воспитанія.

Воспитаніе въ смыслѣ вліянія на духовный обликъ другаго человѣка въ желательномъ направленіи—не есть пустое слово; оно возможно, дѣйствительно существуетъ и можетъ быть наблюдаемо, какъ внѣшній фактъ жизни. Всякій изъ насъ встрѣчалъ людей, которые ходятъ, кланяются, говорятъ и думаютъ, какъ ихъ

воспитатели. Какъ же это достигается? Одно изъ главнѣйшихъ средствъ воспитанія представляется въ способности дѣтей подражать взрослымъ. Не входя въ критику, хорошо или дурно поступаютъ взрослые, дѣти любятъ усвоивать себѣ ихъ манеры, поведеніе и мнѣнія. Вотъ гдѣ естественная почва для воспитанія. Если хотите дать дѣтямъ вашимъ извѣстный обликъ, начиная съ внѣшнихъ манеръ и оканчивая мыслями, окружите ихъ такой атмосферой, гдѣ господствуетъ угодное вамъ направленіе. Очень понятно, что такое средство воспитанія возможно для очень немногихъ. Надо имѣть много доброй воли и большія средства, что бы устроить такую подставную атмосферу. Здѣсь мало приставить къ ребенку однаго, двухъ, трехъ воспитателей, вся обстановка должна быть проникнута извѣстными началами. Если воспитатели даютъ желательный примѣръ, а домашніе сквернословятъ, надо ожидать, что и ребенокъ будетъ сквернословить, не смотря на всѣ усилія воспитателей. Народная мудрость давно это подмѣтила и выразила въ поговоркѣ: яблоко не далеко катится отъ яблони.

Способность подражать и опасность для юношества, происходящая отъ дурныхъ примѣровъ, вызвала учрежденіе закрытыхъ заведеній, гдѣ дѣтямъ дается возможность постоянно имѣть передъ глазами образцы достойные подраженія въ лицѣ надзирателей, учителей, инспектора, директора. Все сомнительное, могущее нарушить гармонію желательной обстановки, удаляется съ глазъ воспитуемыхъ. Въ женскихъ институтахъ эта заботливость шла такъ далеко, что, до полнаго окончанія курса, дѣвицъ не выпускали даже на праздники къ родителямъ. Это было послѣдовательно: въ нѣжный воспитательный періодъ надо было совершенно разобщить яблоки отъ яблони.

Вотъ испытанное и примѣненное на практикѣ средство воспитанія. Оно заключается въ постоянномъ воздѣйствіи на природу воспитуемаго: его надо съ утра и до вечера подвергать дѣйствію желательныхъ образцовъ. Это дѣйствительное средство воспитанія, которое въ сущности сводится къ окруженію воспитуемаго хорошими людьми, имѣетъ, однако, свои предѣлы. Оно коренится въ безсознательной способности ребенка подражать окружающему и теряетъ силу по мѣрѣ развитія въ немъ самостоятельнаго сознанія. Съ развитіемъ въ ребенкѣ умственныхъ силъ и образованія у него своихъ личныхъ вкусовъ, онъ перестаетъ подражать подставнымъ образцамъ и переходитъ къ подражанію образцамъ по своему выбору. Съ этого начинается крайне тяжелый и мучительный для воспитателей періодъ. Время такого перехода нельзя опредѣлить для всѣхъ одинаково. Есть люди, на которыхъ можно дѣйствовать подставными образцами до могилы. У другихъ самостоятельные вкусы развиваются очень рано. Такіе мальчики самый

безпокойный элементъ въ школѣ. Въ общемъ можно сказать, что переходъ къ самостоятельному избранію образцовъ для подражанія совершается еще во время прохожденія средней школы.

Этотъ второй возрастъ весьма различается отъ перваго. Въ первомъ ребенокъ подражаетъ тому, что его окружаетъ, безъ всякаго выбора. Онъ подражаетъ дурному также, какъ и хорошему, такъ какъ это дурное дѣлаютъ большіе люди, а большіе люди производятъ на него импонирующее впечатлѣніе—ростомъ своимъ и силою.

Во второмъ возрастѣ у мальчика появляются личные вкусы, онъ начинаетъ сравнивать, разсуждать и дѣлать выборъ. Большинство крѣпкихъ, здоровыхъ мальчиковъ увлекается въ этомъ возрастѣ—внѣшней физической силой. Это героическій періодъ отрочества. Случается, что юные герои въ закрытыхъ заведеніяхъ наводятъ страхъ на служителей и экономовъ и не на однихъ только служителей и экономовъ. Этому возрасту бываетъ свойственно великое самомнѣніе: они первые силачи и ловкачи, да и по части логики и здраваго смысла они учителей поучить могутъ. Въ этомъ возрастѣ отцы и дѣти расходятся въ разныя стороны и начинаютъ плохо понимать другъ друга. У дѣтей образуется свой кодексъ нравственности, они принимаютъ нерѣдко и своеобразный внѣшній видъ: длинные и растрепанные волосы, не застегнутые пуговицы, вообще не любовь къ формѣ и формальностямъ. Вчера еще мальчикъ почтительно вставалъ при появленіи начальства и даже мило шаркалъ ножкой; а сегодня онъ не узнаетъ начальства и не думаетъ ему кланяться. Даже и тѣ, которые кланяются, считаютъ нужнымъ говорить объ этомъ въ тонѣ насмѣшки: „они козыряютъ начальству“ (т. е. берутъ подъ козырекъ). Почему? У нѣкоторыхъ это цѣлая философія. Они не желаютъ подличать передъ начальствомъ и заискивать у него поклонами; они желаютъ быть оцѣненными по своимъ дѣйствительнымъ заслугамъ.—Внѣшность безобразная, а зерно не дурное, хотя немножко дикое и, по формѣ, несовсѣмъ культурное. А бываетъ и такъ: на всѣ пуговицы застегнутая и гладко причесанная молодежь проявляетъ величайшее высокомѣріе и даже презрѣніе къ окружающей ее житейской мелочи, хотя иногда и „козыряетъ“.

Французскіе романисты замѣтили, что дѣвочки переживаютъ такъ называемый âge ingrat, возрастъ, когда онѣ длины, худы, костлявы и совершенно лишены граціи и красивыхъ формъ. Такой же age ingrat нерѣдко переживаетъ и наше юношество. Но ни за дѣвицъ, ни за нашу молодежь бояться нечего: пройдетъ „неблагодарное“ время, дѣвицы сдѣлаются прехорошенькими, а молодежь добрыми и полезными гражданами.

Этотъ второй періодъ не представляетъ тѣхъ удобствъ для

воспитательныхъ опытовъ, какъ первый. Подставные образцы подвергаются жестокой критикѣ и осмѣянію. Всякій юноша имѣетъ уже свой идеалъ, который и стремится осуществить.

Какъ же воспитывать юношество этого втораго возраста, въ которомъ оно и поступаетъ въ университеты? Большинство студентовъ и очень значительное состоитъ изъ людей совершенно благовоспитанныхъ и ни въ какомъ дальнѣйшемъ школьномъ воспитаніи не нуждается. Но этимъ, однако, не устраняется поставленный К. П. Яновскимъ вопросъ о воспитательной роли университетовъ. И въ пансіонъ гимназіи можетъ поступить совершенно благовоспитанный мальчикъ, а пансіонъ все-же будетъ воспитательное заведеніе. Итакъ, какъ же воспитывать юношество этого втораго возраста? Чрезвычайно трудный вопросъ. Воспитательный арсеналъ такъ бѣденъ средствами, что тамъ едвали есть что подходящее. Всѣ хорошо знаютъ, что у педагоговъ есть средство, постоянно испытываемое на практикѣ. Это — страхъ. Страхъ можетъ воздержать отъ совершенія воспрещенныхъ дѣйствій; но онъ безсиленъ создать хорошіе нравы и породить стремленіе къ добру и истинѣ: пока надо мной палка, я буду стоять смирно, а какъ только палка исчезнетъ, я дамъ волю рукамъ. Примѣненіе страха къ воспитательнымъ цѣлямъ можетъ повести даже къ совершенно не желательнымъ послѣдствіямъ. Въ натурахъ мягкихъ, уступчивыхъ—страхъ можетъ убить всякую энергію и подавить индивидуальность характера. Кому не знакомы объекты такого воспитанія, которые до самой своей смерти сохраняютъ выраженіе испуга на лицѣ и озираются съ боязнью, когда приходится совершить самое невинное дѣйствіе? Въ натурахъ твердыхъ, находчивыхъ—страхъ можетъ повести къ развитію хитрости, лукавства, обмана. Какія же еще есть средства въ распоряженіи гг. педагоговъ для воспитательнаго воздѣйствія на университетскую молодежь? Почтенный авторъ разбираемыхъ мыслей, какъ мы видѣли, не указываетъ никакихъ; тѣмъ не менѣе и въ концѣ своей статьи онъ рѣшительно настаиваетъ на воспитательной роли университетовъ, требуетъ уничтоженія „антипедагогической и вредной мѣры, по которой студенты внѣ университета подчинены только полицейской власти или, точнѣе, не подчинены ни кому“ и заключаетъ такими словами: „Начальство заведенія должно имѣть надзоръ за своими питомцами, но съ симъ вмѣстѣ оно должно обладать и всѣми средствами для надзора, равно какъ и нести полную отвѣтственность за безпорядочное ихъ поведеніе, какъ въ заведеніи, такъ и внѣ онаго“.

Это мѣсто очень понравилось нѣкоторымъ нашимъ повременнымъ изданіямъ, они перепечатали его, рекомендуя публикѣ

безъ всякихъ комментаріевъ. Какъ жаль, что они прежде не подумали о его смыслѣ!

Дѣйствительный надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ возможенъ только въ стѣнахъ закрытаго заведенія и то только до тѣхъ поръ, пока они находятся въ предѣлахъ этихъ стѣнъ, а не отправились въ отпускъ; для надзора же за образомъ жизни тысячи университетскихъ слушателей, живущихъ на частныхъ квартирахъ, современной педагогіей не придумано еще никакихъ средствъ. Почтенный авторъ этихъ средствъ не указываетъ, и можно очень сомнѣваться, чтобы они были ему извѣстны. Послѣднія же слова приведенной тирады составляютъ вопіющее нарушеніе всякихъ сколько нибудь правильныхъ воспитательныхъ пріемовъ. И дѣти, и взрослые должны знать, что они отвѣчаютъ только за свою вину и никогда за чужую. Г-нъ же К. П. Яновскій утверждаетъ, что начальство учебно-воспитательнаго заведенія должно нести отвѣтственность за безпорядочное своихъ учениковъ поведеніе какъ въ заведеніи, такъ и внѣ онаго. Никогда и ни въ какомъ случаѣ. Начальство отвѣчаетъ не за безпорядочное поведеніе учениковъ, а за свою бездѣятельность, непринятіе должныхъ мѣръ и т. д., т. е. за свою вину. Можетъ быть авторъ и никого не хотѣлъ пугать, но въ приведенномъ мѣстѣ слышится попытка дѣйствовать страхомъ не на воспитуемыхъ, однако, а на воспитателей. Бѣдные воспитатели! Учиться искусству воспитанія имъ негдѣ и не у кого, а отвѣчать—отвѣчай и за свою и за чужую вину.

Почтенному редактору-издателю журнала „Русская Школа“ надо бы по дальше спрятать отъ школяровъ апрѣльскую книжку своего журнала, иначе онъ можетъ причинить не мало хлопотъ гг. директорамъ гимназій, инспекторамъ и т. д.

Въ виду полнѣйшей бѣдности воспитательныхъ средствъ и совершеннаго истощенія дѣйствительнѣйшаго изъ нихъ и едвали не единственнаго еще во время прохожденія курса средне-учебныхъ заведеній, мы и думаемъ, что школьное воспитаніе оканчивается въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и на обязанность университетовъ не переходитъ.

Но значитъ-ли это, что съ окончаніемъ школьнаго воспитанія оканчивается всякое воспитаніе? Далеко нѣтъ. Сама жизнь воспитуетъ, и воспитаніе человѣка продолжается до гробовой доски. Въ этомъ смыслѣ народная мудрость и говоритъ: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Въ этомъ воспитаніи путемъ жизни великая роль принадлежитъ и университетской жизни. Университеты всегда имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть великое воспитательное значеніе. Не карьеристы служатъ университету; ему служатъ люди, посвя-

тившіе себя изученію наукъ. Дѣйствительность представляетъ немало жизненныхъ сферъ, цѣль и дѣятельность которыхъ даетъ высокіе образцы для подражанія. Среди нихъ университеты занимаютъ очень видное мѣсто. „Уже одно усвоеніе научныхъ истинъ,— говоритъ авторъ разбираемыхъ нами мыслей, производитъ могущественное вліяніе на духовное развитіе человѣка“. Вотъ въ чемъ воспитательная сила университетовъ.

Но воспитательная сила жизни и университетовъ не на всѣхъ дѣйствуетъ непремѣнно и одинаково. Для этого надо быть доступнымъ къ воспріятію добрыхъ сѣмянъ жизни. Въ этомъ отношеніи есть люди очень тонкой воспріимчивости. Они чрезвычайно внимательны къ окружающему. Каждое слово, замѣчаніе, возраженіе, доходящее до нихъ, останавливаетъ на себѣ ихъ вниманіе, и они опасливо задумываются, то ли они сдѣлали, что нужно, не погрѣшили-ли они въ чемъ-либо и противъ кого-либо. Ихъ постоянно терзаетъ сознаніе своей недостаточности и стремленіе къ лучшему. Это истинные мученики. И наоборотъ, есть мѣдные лбы, на которыхъ окружающее не производитъ никакого дѣйствія; этихъ жизнь и университеты ничему не научатъ. Но и они могутъ съ успѣхомъ окончить университетскій курсъ. Богатая смысломъ пословица: „вѣкъ живи, вѣкъ учись, а умрешь дуракомъ“ не про нихъ сложена; она имѣетъ въ виду тѣхъ нищихъ духомъ мучениковъ истины, которые вѣчно ищутъ правыхъ путей и нигдѣ ихъ не находятъ.

Но пора кончить наши воспитательныя фантазіи и перейдти къ тому отдѣлу статьи, гдѣ рѣчь идетъ объ университетскомъ преподаваніи. Авторъ полагаетъ, что „наши высшія учебныя заведенія, большею частью, выпускаютъ молодыхъ людей, которые не отличаются глубокимъ знаніемъ наукъ, изучаемыхъ ими въ этихъ заведеніяхъ“ (глубокое знаніе наукъ? — легко сказать!) Причину этого явленія, о наличности котораго авторъ находитъ нужнымъ сожалѣть, онъ видитъ: „1) въ многопредметности и невозможномъ распредѣленіи лекцій; 2) въ неподготовленности большинства профессоровъ къ преподаванію; 3) въ нецѣлесообразномъ спосспособѣ преподаванія; 4) въ слабомъ развитіи, а иногда даже отсутствіи самодѣятельности учащихся; 5) въ недостаточномъ упражненіи въ практическихъ работахъ“.

Что оканчивающіе университетскій курсъ, въ общемъ уровнѣ не отличаются глубокимъ знаніемъ наукъ, это совершенно вѣрно; но что это происходитъ отъ многопредметности и другихъ указанныхъ авторомъ причинъ, въ этомъ позволительно сомнѣваться. Никому и никакими способами нельзя вбить въ голову науку. Глубокія свѣдѣнія въ наукѣ всегда составляютъ результатъ самодѣятельности; ихъ можетъ имѣть только тотъ, у кого есть призваніе къ наукѣ и даро-

ваніе; кто имѣетъ призваніе и дарованіе, тотъ глубоко изучитъ науку и при плохихъ способахъ преподаванія и слабыхъ учителяхъ. И, наоборотъ, никакая школа не сдѣлаетъ ученымъ человѣка безъ призванія. А многіе-ли одарены призваніемъ къ наукѣ? Это удѣлъ исключительныхъ натуръ. Даже цеховые ученые далеко не всѣ имѣютъ глубокія знанія въ наукахъ. Большинство же образованной публики научныхъ сочиненій никогда не читаетъ, — оно довольствуется фельетонами. Сожалѣть, что большинство студентовъ не отличается глубокимъ знаніемъ наукъ,—не соотвѣтствуетъ возможному положенію дѣла и настоящей мѣрѣ вещей. Для большинства достаточно, если оно вынесетъ изъ университета знакомство съ современнымъ состояніемъ наукъ.

Но правильно или нѣтъ авторъ связываетъ два явленія, какъ причину и слѣдствіе, указанные имъ недостатки университетскаго преподаванія имѣютъ значеніе сами по себѣ, а потому и нуждаются въ тщательномъ разборѣ.

Свои замѣчанія авторъ начинаетъ съ указанія на многопредметность фалькутетскаго преподаванія и говоритъ: „многопредметность препятствуетъ учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ заниматься немногими сродными науками, но заниматься ими и изучать ихъ вполнѣ основательно. Число изучаемыхъ студентами предметовъ доходитъ до 20 и больше“. Здѣсь затронутъ важнѣйшій вопросъ организаціи университетскаго преподаванія, но слегка и совершенно поверхностно. Университеты по различію наукъ дѣлятся на факультеты, факультеты на отдѣленія. Каждый факультетъ и каждое его отдѣленіе предлагаютъ своимъ слушателямъ извѣстную совокупность родственныхъ наукъ. Число этихъ наукъ условливается ихъ взаимнымъ отношеніемъ и, конечно, можетъ измѣняться. Соотвѣтственно съ развитіемъ спеціальностей можетъ увеличиваться число отдѣленій и даже самое число факультетовъ. А возможно и обратное явленіе: два отдѣленія могутъ быть слиты въ одно. Примѣръ этому даетъ юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Прежде въ немъ было два отдѣленія: юридическое и административное; въ 70-хъ годахъ факультетъ нашелъ такое дѣленіе нецѣлесообразнымъ и уничтожилъ отдѣленіе административное, т. е. нашелъ полезнымъ перейти къ относительной многопредметности. Былъ гдѣ-то медицинскій факультетъ, въ которомъ стремленіе къ однопредметности шло такъ далеко, что существовало отдѣленіе ушныхъ болѣзней, и были спеціалисты, которые только и изучали что эти болѣзни. Въ концѣ концовъ, однако, такое сокращеніе было признано вреднымъ, и пришлось перейдти къ относительной многопредметности. Итакъ, вопросъ этотъ не такъ простъ, какъ кажется почтенному автору. Для разъясненія его надо было бы перейти къ

подробностямъ, что представляется дѣломъ очень нелегкимъ и далеко не по силамъ одного человѣка. Авторъ никакихъ подробностей и не касается. Приводимая же имъ цифра „20 и болѣе предметовъ“ неизвѣстно, что означаетъ. Отдѣльныя это науки или тутъ разумѣются и части наукъ? Изученіе всѣхъ этихъ „20 и болѣе предметовъ“ обязательно для каждаго студента или нѣтъ? На этихъ существенныхъ вопросахъ авторъ и не думаетъ останавливаться. При такой недосказанности недалеко до путаницы и недоразумѣній.

Въ послѣдующемъ изложеніи эти недоразумѣнія и обнаружились. Переходя къ распредѣлѣнію лекцій, обязательныхъ для студентовъ, авторъ говоритъ, что оно „не можетъ не изумлять каждаго, кто сколько-нибудь заинтересованъ дѣломъ высшаго образованія нашего молодого поколѣнія. Въ 1891—2 учебномъ году было назначено въ нѣкоторыхъ курсахъ одного изъ университетовъ по 45 лекцій въ недѣлю, т. е. по 7—8 въ день“. Затѣмъ авторъ переходитъ къ описанію тѣлеснаго и умственнаго утомленія студентовъ, обязанныхъ выслушивать по 7—8 лекцій въ день! Это мѣсто также очень понравилось гг. газетнымъ обозрѣвателямъ. Они выписали его цѣликомъ. Этимъ доказали они только свое совершенное незнакомство съ порядками нашихъ университетовъ.

Жалобы автора основаны опять на недоразумѣніи. Число обязательныхъ лекцій для всѣхъ университетовъ опредѣлено министерскими правилами въ 18 часовъ въ недѣлю, т. е. по 3 часа въ день не болѣе. Нѣкоторые факультеты находятъ, однако, такое число лекцій для нѣкоторыхъ семестровъ недостаточнымъ и доводятъ его до 19, 20 и даже 22 (это максимумъ), конечно, съ разрѣшенія г. министра; за то на другихъ семестрахъ—уменьшаютъ число обязательныхъ лекцій до 16, 14, а на одномъ даже до 12. Мы приводимъ эти примѣры изъ практики Петербургскаго университета. Практика другихъ университетовъ, въ виду предписанной нормы, 18-ти часовъ въ недѣлю, не можетъ очень съ нею разниться.

Итакъ, обремененность нашихъ студентовъ обязательными лекціями не существуетъ. Откуда же авторъ взялъ свои 45 часовъ? Изъ распредѣленія лекцій одного изъ нашихъ университетовъ, гдѣ были показаны всѣ лекціи, предлагаемыя студентамъ, а не обязательныя только. Здѣсь одно недоразумѣніе и ничего больше.

Это недоразумѣніе даетъ, однако, автору основаніе къ самымъ рѣшительнымъ выводамъ о недостаткахъ нашего университетскаго преподаванія и къ невыгодному для русскихъ университетовъ сравненію съ иностранными порядками.

Такъ какъ студенты обязаны слушать по 7—8 часовъ въ день,

говоритъ онъ, то не можетъ быть рѣчи о спеціальныхъ занятіяхъ любимыми предметами, студенты поставлены въ необходимость заниматься поверхностно, у нихъ не можетъ выработаться никакая самостоятельность занятій и т. д. Само собою разумѣется, что всѣ эти печальные выводы падаютъ, такъ какъ сдѣланы изъ невѣрнаго основанія. Да не подумаетъ читатель, что мы хотимъ этимъ доказать. что всѣ наши студенты имѣютъ любимые предметы и глубоко и самостоятельно ихъ изучаютъ. Я ничего и никого не хвалю, я только разбираю.

Свои сѣтованія о бѣдственномъ положеніи нашихъ студентовъ авторъ продолжаетъ такъ: „Для объясненія такого до очевидности аномальнаго явленія въ учебной дѣятельности профессоровъ и студентовъ въ нашихъ университетахъ, я считаю необходимымъ сопоставить ее съ таковою въ заграничныхъ университетахъ. Тамъ подобное явленіе невозможно, такъ какъ тамъ каждый студентъ имѣетъ полную возможность въ извѣстный семестръ заниматься немногими избранными имъ науками или ихъ отдѣлами и, такимъ образомъ, втеченіе 4-хъ лѣтъ, основательно изучить кругъ наукъ, входящихъ въ составъ факультета. Но а) тамъ профессора занимаются со студентами отъ 9—10 мѣсяцевъ втеченіе года; б) праздниковъ тамъ почти нѣтъ; в) экзаменовъ, отнимающихъ время, тоже нѣтъ. У насъ же, принявъ во вниманіе праздники и экзамены, лекціи продолжаются 5 и не болѣе 6 мѣсяцевъ. Отсюда ясно, что профессора наши въ ограниченный промежутокъ времени стремятся пройдти, хоть и формально, свой курсъ, что и влечетъ за собоы совершенно невозможное распредѣленіе лекцій“.

Здѣсь указана причина причинъ нашихъ бѣдствій. Студенты не могутъ хорошо заниматься, потому что у нихъ 45 обязательныхъ часовъ въ недѣлю; а 45 обязательныхъ часовъ у нихъ потому, что нашъ учебный годъ очень коротокъ: всего 5—6 мѣсяцевъ, а заграницей 9—10. Итакъ, чтобы студенты были менѣе обременены лекціями, надо сократить праздники, отмѣнить весенніе экзамены и довести учебное время до 9—10 мѣсяцевъ.

Такъ какъ первая причина нашихъ учебныхъ бѣдствій,— 45 часовъ въ недѣлю, въ дѣйствительности не существуетъ, то, конечно, не было надобности искать причину несуществующей причины. Тѣмъ не менѣе, сравненіе нашихъ порядковъ съ заграничными можетъ быть поучительно, и мы готовы слѣдовать за почтеннымъ авторомъ, хотя это и не очень легко. Онъ сравниваетъ наши порядки съ заграничными. Но что онъ подъ этимъ разумѣетъ? Заграница—пространство большое; заграницей—Германія, Италія, Франція, Англія, Америка и многое другое; въ каждой странѣ университеты имѣютъ свой особый обликъ. Съ чѣмъ же онъ сравниваетъ? Это трудно разгадать, ибо онъ не приводитъ ни-

какихъ характерныхъ чертъ университетской организаціи. Сравненіе совершенно поверхностное. Указана только одна черта, продолжительность учебнаго года. Наши университеты—сколокъ нѣмецкихъ. По невозможности обнять все, ограничимъ провѣрку сдѣланнаго авторомъ указанія сопоставленіемъ нашихъ университетовъ съ нѣмецкими. По всей вѣроятности, онъ ихъ и имѣетъ въ виду. Авторъ сопоставляетъ нашъ учебный годъ съ заграничнымъ и дѣлаетъ новую ошибку. У насъ на каждые 12 мѣсяцевъ выпадаетъ одинъ учебный годъ; у нѣмцевъ—два. Ихъ каждый семестръ, лѣтній и зимній, равняется цѣлому нашему учебному году; въ одинъ семестръ они прочитываютъ то, что у насъ прочитывается въ цѣлый годъ, т. е. въ два семестра. Гдѣ больше времени для чтенія лекцій, у нѣмцевъ или у насъ? У насъ больше. Въ то время, когда нашъ профессоръ прочтетъ свой курсъ одинъ разъ, нѣмецъ успѣетъ прочитать два курса и получитъ два гонорара. Что у насъ дѣлается въ два года, то у нихъ въ одинъ. Они живутъ гораздо скорѣе нашего. Какъ ни коротокъ нашъ учебный курсъ, а все же онъ длиннѣе нѣмецкаго, ибо нѣмецкій всегда меньше полугодія. Благодаря этому, у насъ всѣ учебные предметы читаются болѣе продолжительное время, чѣмъ у нѣмцевъ, А нашъ авторъ утверждаетъ совершенно противное, будто русскіе профессоры должны изложить тоже, что заграничные, но въ меньшій промежутокъ времени. Нашъ учебный годъ продолжается никакъ не меньше 6 мѣсяцевъ, а иногда и больше, съ 1 сентября до Страстной недѣли. Нѣмецкіе семестры, равняющіеся нашему учебному году, продолжаются: лѣтній съ 21 апрѣля до 14 августа, зимній съ половины октября до половины марта, т. е. лѣтній—не полныхъ 4 мѣсяца, зимній—не полныхъ 5 мѣсяцевъ, такъ какъ на зимній семестръ приходятся Рождественскіе праздники и масляница. Такимъ образомъ, въ Германіи то, что у насъ читается въ 6 мѣсяцевъ, можно прослушать въ неполные 5 и даже въ неполныхъ 4 мѣсяца. Кромѣ того, на чтеніе нѣмецкихъ курсовъ назначается неодинаковое число часовъ, а въ нѣкоторыхъ университетахъ, даже меньшее, чѣмъ у насъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ практики юридическихъ факультетовъ. Для нѣмецкихъ университетовъ мы будемъ пользоваться росписаніемъ лекцій лѣтняго семестра 1897 г. и непосредственно слѣдующаго за нимъ зимняго; для русскихъ росписаніемъ лекцій за истекшій академическій годъ одного изъ нашихъ университетовъ, совершенно совпадающимъ съ тѣмъ, въ которомъ почтенный авторъ нашелъ свои 45 обязательныхъ лекцій въ недѣлю.

Исторію римскаго права можно прослушать въ Гейдельбергѣ въ теченіи 6 ч. зимою и лѣтомъ, а въ Берлинѣ втеченіи 4 ч. да еще со включеніемъ гражд. процесса; у насъ—4 ч. Исторію нѣмецкаго

права—въ Гейдельбергѣ 5 ч. зим. и лѣт.; въ Берлинѣ—4 ч. зим., у насъ на исторію русскаго права полагается—8 ч. Политическую экономію въ Германіи—4 ч. зим. и лѣт.; у насъ 4 ч. Государственное право—6 ч. лѣтомъ въ Страсбургѣ и Гейдельбергѣ, зимою—5 ч. въ Гейдельбергѣ, а въ Берлинѣ 4—зимою и лѣтомъ; у насъ 4. Полицейское (администр.) право—4 зим. и лѣт., въ Гейдельбергѣ—5 лѣт.; у насъ—5 ч. Международное право—4 ч. лѣтомъ, 3 зимою, въ Берлинѣ въ одинъ и тотъ же семестръ, зимній, можно слушать 4 и 3 часа, а въ Лейпцигѣ зимою—2; у насъ—5. Финансовое право—4, а въ Страсбургѣ зим. 3, у насъ—5. Церковное—4 и 3, у насъ 5. Гражданское право, мѣстное: прусское 4 ч., французское—5; чтеніе общенѣмецкаго права (dtsch. bürgerl R., bürgerl. Gesetzb.) достигаетъ въ нѣкоторыхъ университетахъ до 12 ч. въ недѣлю зимою; но въ Страсбургѣ, напримѣръ, этотъ предметъ можно прослушать въ 5 ч. зимою и въ 6 ч. лѣтомъ; у насъ русское гражданское право читается—8 ч. Особымъ развитіемъ отличается въ германскихъ университетахъ чтеніе римскаго права, оно доходитъ до 18 ч. въ недѣлю; но лѣтомъ въ Гейдельбергѣ Карлова (Karlowa) читаетъ систему римскаго Гражданскаго права только 6 часовъ въ недѣлю; у насъ тоже 6 ч. гражданское судопроизводство въ Германіи можно прослушать лѣтомъ въ 7 и 6 ч., зимою—въ 5 и 4; уголовное лѣтомъ—въ 6 и зимою въ 5, 4 и даже 3, въ Берлинѣ; у насъ на тотъ и другой предметы дается по 4 часа.

Гораздо же труднѣе сдѣлать такое же сравненіе по предметамъ нѣмецкаго философскаго факультета, по большой дробимости предметовъ въ Германіи и у насъ и различій въ ихъ наименованіи. Ограничимся двумя-тремя примѣрами. Неорганическая химія читается въ Берлинѣ зимою и лѣтомъ—5 ч., въ Лейпцигѣ лѣтомъ—6; органическая—въ Берлинѣ лѣтомъ—5; у насъ на органическую химію дается 6 ч.,—неорганическую—5. Общій курсъ физики зимою въ Гейдельбергѣ—5 ч., въ Берлинѣ—4 (теорет. ф.); у насъ—6 час.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что наши профессора, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ болѣе времени для изложенія своихъ курсовъ, чѣмъ нѣмецкіе. Сравненіе, правильно сдѣланное, даетъ совершенно другіе результаты, чѣмъ тѣ, къ которымъ пришолъ почтенный авторъ разбираемыхъ „мыслей“. Съ его точки зрѣнія надо было бы отдать предпочтеніе нашимъ порядкамъ, а не заграничнымъ. Нашъ студентъ обязательно долженъ посвятить университету четыре года; нѣмецкій, слушая ежедневно по 3—4 лекціи,—можетъ прослушать тѣже курсы въ два года, У кого же болѣе „ограниченный промежутокъ времени“ для глубокаго изученія наукъ? Спѣшимъ опять оговориться. Мы приводимъ этотъ результатъ сравненія вовсе не для того, чтобы доказать, что „У

насъ лучше". Мы идемъ по стопамъ автора и разбираемъ его „мысли" и только.

Нѣмецкая система, въ которой каждый симестръ составляетъ не половину учебнаго года, какъ у насъ, а цѣлый учебный годъ, возникла едва ли въ интересахъ учащихся. Она представляется намъ скорѣе порожденіемъ конкурренціи университетовъ и профессоровъ, получающихъ гонораръ. Нѣмецкій студентъ можетъ прослушать втеченіи двухъ лѣтъ тѣ курсы, слушаніе которыхъ необходимо для того, чтобы быть допущеннымъ къ государственнымъ экзаменамъ. Правительство, однако, находитъ такое быстрое прохожденіе университетскаго курса, вызываемое усиленной конкурренціей, нежелательнымъ и опредѣляетъ для медиковъ нормальный періодъ въ 4 съ половиной года, для студентовъ другихъ факультетовъ въ три. Въ дѣйствительности нѣмецкій студентъ остается въ университетѣ года четыре, а нерѣдко и гораздо болѣе. Разница съ нашими порядками состоитъ въ томъ, что нѣмецкій студентъ не обязанъ въ каждый учебный годъ (у нѣмцевъ—семестръ) слушать извѣстное число часовъ. Оставаясь въ университетѣ четыре года, онъ можетъ въ каждый семестръ слушать вдвое менѣе предметовъ, чѣмъ нашъ. Такимъ образомъ, нѣмецкій студентъ сосредоточивается на двухъ или трехъ предметахъ, но втеченіи болѣе короткаго времени (одного полугодія); нашъ—на четырехъ или шести, но втеченіи болѣе продолжительнаго времени (цѣлаго года).

Не беремся рѣшать, что лучше; да едва ли вопросъ этотъ и допускаетъ такое рѣшеніе. И та, и другая система могутъ имѣть совершенно одинакія послѣдствія. Вопросъ этотъ не имѣетъ для насъ никакого практическаго значенія и съ другой точки зрѣнія. По нашимъ условіямъ жизни и привычкамъ, мы никогда не сдѣлаемъ изъ одного года двухъ, какъ это удалось сдѣлать нѣмцамъ.

Жалобы на краткость учебнаго года въ нашихъ университетахъ, на множество праздниковъ, на экзамены, сокращающіе учебное время,—общее мѣсто. Всякій администраторъ, знатокъ дѣла, указываетъ на эту краткость, какъ на причину всѣхъ бѣдъ. Изъ сдѣланнаго нами сравненія видно, что нѣмецкіе профессора успѣваютъ прочитывать свои курсы еще въ болѣе короткое время.

На увеличеніи нашего учебнаго года настаиваетъ и почтенный авторъ разбираемыхъ „мыслей". Разсмотримъ, въ самомъ-ли дѣлѣ это нужно. Увеличеніе учебнаго года поведетъ къ расширѣнію курсовъ, читаемыхъ профессорами, и, слѣдовательно, къ увеличенію экзаменныхъ требованій. Желательно-ли это? Можетъ быть, наши профессора не успѣваютъ сдѣлать свое дѣло втеченіе 6 мѣсяцевъ? Допустимъ. Но тогда возникнетъ вопросъ, отчего же нѣмцы успѣваютъ въ болѣе краткій срокъ?

Нѣмцы, можетъ быть, умѣютъ сказать короче то, что наши слишкомъ растягиваютъ? Сказать коротко, ясно и полно—это достоинство, къ которому должны всѣ стремиться.—Наука не имѣетъ опредѣленныхъ рамокъ. Есть предметы, которые можно читать безъ конца. Таковы всѣ историческіе. Да и всѣ другіе допускаютъ такое развитіе, что ихъ можно излагать не 9—10, а 18—20 мѣсяцевъ. Но курсы, предлагаемые студентамъ, должны имѣть опредѣленныя границы. Здѣсь излишняя распространенность можетъ быть также вредна, какъ и недосказанность: за деревьями слушатели могутъ не увидать лѣса. Положить мѣру курса часами чтеній невозможно. У одного лектора часъ даетъ больше, чѣмъ у другого три. Это дѣло личнаго опыта и искусства. Если курсы русскихъ профессоровъ читаются втеченіи болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ нѣмецкіе, и если еженедѣльно они читаютъ столько-же, а иногда и болѣе часовъ, чѣмъ нѣмцы, то есть основаніе думать, что имъ дано достаточно времени. Остальное есть дѣло умѣнья, которому не поможешь увеличеніемъ учебнаго времени. Даже съ точки зрѣнія разбираемаго автора, увеличеніе учебнаго времени нежелательно. Оно можетъ повести къ излишнему расширенію общихъ обязательныхъ курсовъ, которые и теперь по нѣкоторымъ предметамъ достигли очень внушительнаго размѣра, и сокращенію того времени, которое студентъ могъ бы посвятить своимъ самостоятельнымъ занятіямъ любимыми предметами.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ разбору способовъ университетскаго преподаванія и набрасываетъ цѣлый планъ реформъ. Его мысли заключаются въ слѣдующемъ. Одного знанія науки недостаточно для того, чтобы допустить молодого человѣка къ преподаванію въ университетѣ. Онъ долженъ еще доказать свое умѣнье преподавать. Съ этою цѣлью онъ долженъ представить на одобреніе факультета и совѣта письменное изложеніе своего способа преподаванія. Не дожидаясь, однако, когда молодые аспиранты на профессорскія каѳедры выработаютъ свои способы преподаванія, а факультеты и совѣты ихъ одобрятъ, почтенный авторъ, въ руководство тѣмъ и другимъ, самъ рисуетъ картину новаго способа преподаванія. Онъ высказывается противъ господствующаго способа преподаванія въ видѣ чтенія лекцій. Лекціи, по его мнѣнію, могутъ быть допускаемы, когда студенты уже ознакомлены съ предметомъ посредствомъ самостоятельнаго чтенія, для разъясненія того, что они уже изучили. Необходимы же лекціи только тогда, когда сопряжены съ нѣкоторыми опытами и наблюденіями, требующими особыхъ манипуляцій. Такимъ образомъ, за исключеніемъ наукъ опытныхъ, въ которыхъ профессорскія лекціи необходимы только для объясненія приборовъ и обращенія съ ними, профессора могутъ вовсе не читать лекцій. Въ чемъ же будутъ

состоятъ занятія студентовъ? „Организація студенческихъ занятій, говоритъ авторъ, должна быть предоставлена каждому заведенію или факультету“. Но не по его усмотрѣнію, а согласно слѣдующему предписанію автора. „На обязанности факультета должно лежать: 1) утвержденіе программъ, составленныхъ каждымъ профессоромъ по своему предмету съ тѣмъ, чтобы студенты вели самостоятельно занятія, слѣдуя этимъ программамъ. 2) Избраніе для студенческихъ занятій сочиненій, по которымъ студенты должны заниматься. Ихъ занятія должны состоять въ приготовленіи письменныхъ отвѣтовъ на вопросы программы. Такіе отвѣты, по возможности лучшіе, должны быть излагаемы въ порядкѣ, указанномъ программою, студентами, по выбору профессора, въ аудиторіяхъ въ видѣ лекцій, въ присутствіи ихъ товарищей и профессора. 3) Распредѣленіе по каждому предмету между студентами вопросовъ программы для составленія ими отвѣтовъ, которые ими же должны быть излагаемы въ аудиторіяхъ въ видѣ лекцій, по одобреніи профессоровъ. Для болѣе основательной разработки вопросовъ, каждому студенту можетъ быть предоставлено составить въ двѣ недѣли по одной и не болѣе двухъ лекцій. Одна и та же лекція должна быть поручаема не одному, а 2, 3, 4 и даже 5 студентамъ, кромѣ всѣхъ другихъ желающихъ, чтобы можно было выбрать лучшую для изложенія въ аудиторіяхъ. 4) Организація разсмотрѣнія письменныхъ отвѣтовъ студентовъ для выбора къ устному произнесенію. Въ виду значительности работы, къ этому надо привлечь приватъ-доцентовъ и лицъ, оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію“.

Таковъ новый порядокъ университетскаго преподаванія, долженствующій вытѣснить нынѣ существующій. Въ этомъ новомъ порядкѣ не все ново. Программы всегда существовали и теперь существуютъ. Указаніе литературы всегда дѣлалось и теперь дѣлается и, нерѣдко, съ очень подробнымъ разборомъ приводимыхъ сочиненій. Новаго въ порядкѣ автора только одно: замѣна профессорскихъ лекцій лекціями студентовъ.

Мы думаемъ, что рукою автора „мыслей“ постоянно руководятъ самыя лучшія намѣренія; но однихъ добрыхъ намѣреній для реформы университетовъ также мало, какъ и для спасенія души. По новому плану, не профессора и приватъ-доценты читаютъ лекціи въ университетахъ, а студенты; профессора же, приватъ-доценты и готовящіеся къ профессорскому званію—заняты изученіемъ не наукъ, а студенческихъ компиляцій, для выбора лучшихъ, съ цѣлью изложенія ихъ съ каѳедры. Это смерть науки и университетовъ, а не ихъ спасеніе, какъ полагаетъ авторъ.

Разсмотримъ предложеніе его съ точки зрѣнія пользъ ауди-

Ген. Гос. Ун-т
Научная

торіи и студентовъ, съ такимъ легкимъ сердцемъ возводимыхъ авторомъ на каѳедру.

По новому порядку, какъ и по старому, всѣ предметы будутъ излагаться устно съ каѳедры и въ порядкѣ программы, но не профессорами, а студентами. Вотъ и вся перемѣна. Лекціонный способъ удерживается, мѣняются только дѣятели; дѣти занимаютъ мѣсто отцовъ.

Мы согласны съ авторомъ, лекціонный способъ преподаванія имѣетъ свои недостатки. Чтобы читать лекціи, мало знать предметъ; надо еще имѣть талантъ изложенія. Надо такъ читать, чтобы можно было не только слушать, не засыпая, но и что нибудь уносить съ лекціи. Такой талантъ бываетъ не у всѣхъ. Иногда самые основательные ученые говорятъ такъ, что слушать ихъ трудно. Вотъ это и есть главный недостатокъ лекціонной системы. Противъ этого недостатка нѣтъ средствъ, за исключеніемъ конкурренціи, которая, однако, не всегда можетъ имѣть мѣсто.—Но университетское преподаваніе не ограничивается однимъ чтеніемъ лекцій. И профессора, и студенты хорошо знаютъ, что съ голоса нельзя научиться наукѣ во всемъ ея развѣтвленіи. Хорошая лекція легчайшимъ способомъ и разомъ знакомитъ массу людей съ предметомъ чтенія; она можетъ заинтересовать слушателя и привлечь къ спеціальному изученію предмета. Подробности и частности пропадутъ; искусное же освѣщеніе главныхъ явленій можетъ надолго остаться въ памяти. Но для основательнаго ознакомленія съ наукой мало одного слушанія, необходимо изученіе сочиненій и источниковъ. Профессора указываютъ книги для чтенія и сами издаютъ и отдѣльныя сочиненія, и свои лекціи. Этимъ путемъ оказываютъ пользу слушателямъ и тѣ изъ нихъ, которые не обладаютъ способностью овладѣвать вниманіемъ своихъ слушателей, и нерѣдко даже большую, чѣмъ эти послѣдніе. Лица, допускаемыя теперь къ чтенію лекцій, проходятъ весьма тяжелую школу. Они должны окончить университетскій курсъ и хорошо выдержать всѣ экзамены. Только такіе оставляются при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Приготовленіе это продолжается неменѣе двухъ лѣтъ, а иногда и болѣе. За приготовленіемъ, подъ руководствомъ профессора, слѣдуетъ экзаменъ на ученую степень магистра; затѣмъ написаніе магистерской диссертаціи и ея защита; за магистерской диссертаціей докторская. На все это уходитъ много лѣтъ. По прошествіи этихъ многихъ лѣтъ изученія и по выдержаніи многихъ испытаній, человѣкъ допускается, наконецъ, занять каѳедру. Если онъ и не обнаружитъ большого таланта въ изложеніи, все же онъ будетъ въ глазахъ аудиторіи обладать авторитетомъ человѣка знающаго. Хоть и не многіе да будутъ его слушать.

И не напрасно. До ушей ихъ дойдетъ слово знанія. Кто хочетъ знанія, тотъ узнаетъ.

А по новому плану, что будетъ слушать аудиторія? Учебный годъ начался; факультетъ разбилъ программу на отдѣльные вопросы и роздалъ ихъ студентамъ для написанія отвѣтовъ по указаннымъ сочиненіямъ. „Для болѣе основательной разработки вопроса и составленія лекціи дается одна и не болѣе двухъ недѣль". Вотъ эти то лекціи, которые написаны людьми, недочитавшими еще ни одной книги до конца, и будетъ слушать аудиторія. Она будетъ слушать дѣтскій лепетъ. Неужели этимъ средствомъ можно привлечь въ аудиторію слушателей? Да, но только для забавы. Это будетъ игра въ университетъ. Дѣти играютъ „въ лошадки"; студенты будутъ играть „въ университетъ".

Но, можетъ быть, они отъ этой игры выиграютъ? Есть полезныя игры. Разсмотримъ ближе предлагаемый авторомъ способъ занятій.

На всѣхъ факультетахъ и по всѣмъ предметамъ, студенты должны приступить къ составленію письменныхъ отвѣтовъ на вопросы программы втеченіи первыхъ двухъ недѣль, т. е. прежде чѣмъ они ознакомятся съ наукой въ ея цѣломъ. Науки они еще не знаютъ, они не успѣли прочитать ни по одному предмету ни одной книги до конца, а уже приглашаются рѣшать научные вопросы. Педагогично это? Полагаемъ, что нѣтъ. И что это будутъ за рѣшенія? Это будутъ выписки изъ двухъ-трехъ книгъ, а иногда и изъ одной того, что тамъ сказано по извѣстному вопросу, но безъ должнаго пониманія дѣла и безъ знанія, что на чемъ основано и что къ чему ведетъ. Какъ можетъ имѣть это знаніе человѣкъ, который только что взялъ книгу въ руки и впервые прочелъ нѣкоторый отвѣтъ на неизвѣстный ему вопросъ? Прибавимъ къ этому еще и такое соображеніе. Совершенныхъ книгъ нѣтъ. Въ каждой книгѣ можетъ быть недосказанность, неясность, неправильные выводы, пользованіе плохимъ матеріаломъ, недостаточная оцѣнка хорошаго и т. д. Какъ во всемъ этомъ разберется человѣкъ, впервые раскрывшій книгу и поставленный въ необходимость въ недѣлю, много въ двѣ, сочинить лекцію? Это будетъ школа легкомыслія и пустословія. И изъ этихъ-то дѣтскихъ выписокъ профессоръ долженъ будетъ выбирать лучшую (не хорошую, такихъ можетъ вовсе не оказаться, а только лучшую) и возводить автора ея на каѳедру, тогда какъ въ дѣйствительности онъ долженъ былъ бы сказать ему: вамъ сочинять еще рано, вамъ надо поучиться прежде; читайте ученыя изслѣдованія, составляйте конспекты прочитаннаго, изучайте источники; сопоставляйте одно мнѣніе съ другимъ и провѣряйте на основаніи источниковъ.

Возведенный на каѳедру, какъ авторъ лучшей компиляціи,

*

можетъ подумать, что онъ, въ самомъ дѣлѣ, рѣшилъ научный вопросъ и можетъ поучать другихъ. Хорошая ли это педагогія?

Авторъ думаетъ, что такимъ образомъ будетъ достигнута самостоятельность обученія. Но почему выписать изъ книги—самостоятельно, а прослушать внимательно лекцію и составить ея конспектъ—несамостоятельно? Полагаемъ, что то и другое совершенно въ одинаковой степени и самостоятельно, и несамостоятельно. Весьма принято говорить о воспріятіи научныхъ свѣдѣній путемъ лекцій, какъ объ актѣ пассивномъ, а не самостоятельномъ. Это говоритъ и почтенный авторъ и предлагаетъ свой способъ занятій, какъ самостоятельное усвоеніе научныхъ истинъ, въ противоположность—лекціонному, т. е. пассивному. Но что такое самостоятельность въ обученіи? Обученіе есть усвоеніе чужого; только въ этомъ и состоитъ ученіе. Съ этой точки зрѣнія оно всегда пассивно. Но для этого пассивнаго усвоенія нуженъ, однако, дѣятельный актъ воли. Этотъ дѣятельный актъ воли одинаково нуженъ, какъ при усвоеніи изъ книги, такъ и при усвоеніи изъ устной лекціи, какъ въ университетѣ, такъ и въ начальной школѣ. Только въ этомъ смыслѣ и можетъ быть рѣчь о самостоятельности и самодѣятельности въ обученіи. Самостоятельная научная дѣятельность въ смыслѣ критическаго отношенія къ положеніямъ науки и научнаго творчества — можетъ начаться только по окончаніи обученія, т. е. послѣ усвоенія существующаго, а не раньше и даже неединовременно. Единовременное усвоеніе и самостоятельное творчество, обыкновенно, является результатомъ непониманія усвояемаго. Это скороспѣлое творчество не оставляетъ никакихъ слѣдовъ въ наукѣ. Въ самомъ лучшемъ случаѣ оно можетъ имѣть въ результатѣ вторичное открытіе Америки.

Цѣль университетскаго образованія не въ томъ, чтобы научить слушателей писать по двумъ книгамъ—третью. Это работа—совершенно безполезная въ интересахъ науки и обученія; она можетъ быть полезна, какъ ремесло, какъ средство жизни, если есть покупатель на такіе труды. Но университеты не призваны приготовлять компиляторовъ; ихъ задача познакомить слушателей съ современнымъ состояніемъ науки. Для этого надо слушать лекціи, читать указанныя книги, участвовать въ практическихъ работахъ, гдѣ таковыя есть. Составленіе компиляцій ни на что не нужно. Оно безполезно даже какъ контроль за чтеніемъ книгъ студентами, потому что можно подать чужую компиляцію. Но, скажутъ, студенты лекцій не слушаютъ и книгъ не читаютъ. Возможно. Но можно-ли заставить ихъ слушать и читать? Нѣтъ пользы даже въ пріятномъ заблужденіи, а потому на поставленный вопросъ отвѣчаемъ, нельзя. Дѣло образованія есть дѣло свободы. Кто цѣнитъ научное знаніе, кому оно дорого, тотъ будетъ и слушать и читать.

Мы сомнѣваемся даже и въ томъ, чтобы въ начальной школѣ можно было кого либо научить чему либо безъ его воли.

Какъ ни далекъ отъ совершенства современный способъ университетскаго преподаванія, все же онъ лучше того, что намъ предлагаетъ почтенный авторъ. Кто не желаетъ, тотъ ничему не научится въ университетѣ, какъ и нигдѣ, хотя и выдержитъ переходный и государственный экзаменъ. Но кто желаетъ, тотъ можетъ научиться. Въ лекціяхъ профессоровъ, какъ бы онѣ ни читались, живо или вяло, онъ всегда найдетъ хорошее руководство къ усвоенію научныхъ истинъ, а иногда и самостоятельную ихъ разработку. Благодаря же значительному числу нашихъ праздниковъ, у желающаго учиться останется довольно времени и на обдумываніе воспринятаго на лекціяхъ, и на полезное чтеніе, и на занятіе дома любимымъ предметомъ [1]).

При порядкѣ же, предлагаемомъ г. К. П. Яновскимъ, утро студентъ долженъ будетъ посвящать слушанію упражненій своихъ товарищей, въ которыхъ, конечно, не можетъ быть ни основательнаго знанія, ни мастерства изложенія; а свободное время посвящать сочиненію такихъ же ни на что ненужныхъ компиляцій. У людей добросовѣстныхъ они отнимутъ много времени, но лишатъ ихъ возможности систематически изучать тотъ или другой предметъ, потому что имъ придется не по порядку, а въ разбивку дѣлать свои компиляціи; и очень даже возможно, что сегодня— изъ одного предмета, а на слѣдующей недѣлѣ изъ другого. На факультетахъ малолюдныхъ и распадающихся еще на отдѣленія придется писать по двѣ и даже болѣе компиляцій въ недѣлю [2]).

Еще въ 60-хъ годахъ рѣшительно высказался противъ уст-

---

[1]) Въ Германіи учебный курсъ на медицинскомъ факультетѣ продолжается 4 съ половиною года (обязательныхъ), на остальныхъ—три. Въ послѣднее время возникла мысль объ увеличеніи учебнаго періода, особенно для медицинскаго факультета. Эта мысль встрѣтила горячую оппозицію съ той точки зрѣнія, что медицинское образованіе и теперь обходится очень дорого, а съ прибавкой лишняго года еще вздорожаетъ. Тогда возникло предложеніе,—не увеличивая числа годовъ, увеличить число учебныхъ дней въ каждомъ семестрѣ, сокративъ каникулы. Противъ этого возсталъ извѣстный педагогъ, профессоръ философіи въ берлинскомъ университетѣ, Т. Паульсенъ, доказывая, что студенты, для своихъ личныхъ научныхъ работъ, должны имѣть достаточно свободнаго времени. Беру это свѣдѣніе изъ статьи проф. Кантони (C. Cantoni) въ Павіи, напечатанной въ Nuova Antologia за 1898 годъ выпускъ 635, Le università tedesche descritte e giudicate da professori tedeschi.

[2]) Есть курсы, на которыхъ число слушателей не превышаетъ 30 при четырехъ отдѣленіяхъ; число же лекцій на всѣхъ отдѣленіяхъ — болѣе 60. На каждаго студента придется въ среднемъ болѣе 2-хъ компиляцій. Когда же ему учиться, еслибы онъ и хотѣлъ?

ныхъ лекцій Н. И. Пироговъ [1]). Но и ему не удалось замѣнить лекціи чѣмъ-нибудь лучшимъ. При всемъ своемъ несовершенствѣ этотъ способъ преподаванія не только удерживаетъ свое старое мѣсто, но въ послѣднее время, съ распространеніемъ идеи extension of university teaching, завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе широкое мѣсто примѣненія.

Мы все еще не исчерпали всѣхъ нововведеній автора. Онъ настаиваетъ на необходимости приготовленія студентовъ къ предстоящей имъ практикѣ службы, на учрежденіи педагогическихъ факультетовъ въ университетахъ или отдѣльныхъ высшихъ педагогическихъ заведеній, на измѣненіи существующаго порядка экзаменовъ и на отмѣнѣ награжденія чинами лицъ, оканчивающихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. Изложеніе мнѣній почтеннаго автора по этимъ важнымъ вопросамъ и разборъ ихъ отлагаемъ до другого раза.

В. Сергѣевичъ.

Гос. Ун-т Научная библиотека им. Горького

---

[1]) Статьи Пирогова напечатаны въ журн. „Мин. Нар. Просв.“ 1863 г. за декабрь и въ „Голосѣ“ 1864 г. № 25 и 26; нашъ разборъ этихъ статей въ „Москов. Универс. Извѣст.“ 1865 г. № 2.

Извлечено изъ журнала „Научное Обозрѣніе“, за Октябрь 1898 г

С3р.)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Ноября 1898 года.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.